

УДК 398.22(=512.141)

DOI 10.25587/SVFU.2019.15.36599

Р. А. Султангареева

Уфимский федеральный исследовательский Центр РАН

АРХАИЧНЫЕ ПЛАСТЫ БАШКИРСКОГО ЭПОСА «УРАЛ-БАТЫР»

(на основе обнаруженной версии живого исполнения)

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена комплексным изучением сохраненной в памяти народа версии живого (аутентичного) исполнения эпоса «Урал-батыр». До недавнего времени считалось, что изустное исполнение, также собственно напевы великого эпоса башкир были утрачены безвозвратно. Однако в 2011 г. автору удалось записать эпос от А. М. Усмановой (1930-2015) в его напевно-речитативном, чередующемся с прозаическими текстами исполнении. Записи производились повторно с перерывами 8 и 5 месяцев, что позволило наиболее объективно воспроизвести культурное явление исторического значения. Цель статьи направлена на то, чтобы произвести сравнительный анализ записанного нами текста с основным, опубликованным в 1968, 1972 гг. и на основе обнаруженных стихотворных частей раскрыть мифосемантику, семиотику художественных, архетипических кодов, установить различия и первозамыслы эпизодов.

Ведущим подходом является мифосемантическая ретроспекция, позволяющая выявить в сюжете нового текста арте- и ментефакты, архетипы образов и замыслы мифопоэтических традиций, не фиксированных в исследованиях ранее. Выбранный подход позволяет сделать сравнительно-типологический, компонентный анализы по реконструкции пластов эпоса, начало сложения которого, как известно, восходит к эпохе верхнего палеолита (III-II тыс. до н. э.).

Основными результатами исследования стали обнаружение отсутствия в опубликованном тексте поэтических строк, особо информативных в плане глубоко архаичных проекций сюжетных мотивов и мифологических кодов. Сделаны записи наиболее полных художественных характеристик и описаний коня Акбузата. В отличие от известного опубликованного эпоса, восхваление крылатого коня в обнаруженном тексте составляет 45 поэтических строк; имеются детали по мотивам запретной крови, поведения Хумай-Хумайры, Урал-батыра и др. Записано пять собственно-эпических мелодий, издревле традиционно бытовавших в практике исполнения эпоса «Урал-батыр»: это восхваления Акбузата, булатного меча, диалог Акбузата и Хумай, разговор Хумай с Уралом, финальный напевный кубаир. На основе нового прочтения текста выявлены свидетельства по антропогенезу человека, мотивы о пластах противостояния Коня и Человека, особенности мифообразов и музыкальных традиций, позволяющие акцентировать важное место и статус праэпоса (пратекста) «Урал-батыр» в мировой эпике.

Работа представляет интерес для этнографов, фольклористов, специалистов-гуманитариев как для изучения архаических пластов эпоса, так же процессов трансформаций, возрождения эпических традиций в современности. Живое напевное исполнение башкирского *кобайыр* – кубаира «Урал-батыр», представляющего древнейший среди индоевропейских, ведийских и тюрко-монгольских сюжетов, расценивается как феномен исключительной важности.

Ключевые слова: эпос, фольклор, живое исполнение, импровизация, архетипы образов, традиции, мифы, ритуалы, «Урал-батыр», антропогенез.

СУЛТАНГАРЕЕВА Розалия Асфандияровна – д. филол. н., с. н. с. отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

E-mail: sasaniamail.ru

SULTANGAREEVA Rozaliya Asfandiyarovna – Doctor of Philological Sciences, Senior Research of the Department of Folklore Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

E-mail: sasaniamail.ru

R. A. Sultangareeva

The archaic layers of Bashkir epic *Ural-batyr* (based on a discovered live-performed version)

Abstract. The relevance of the study of the problem is due to a comprehensive study of the version of the living (authentic) performance of the epic *Ural-batyr* preserved in the memory of the people. Until recently, it was believed that the oral performance, as well as the actual tunes of the great epic of the Bashkirs, were irretrievably lost. However, in 2011, the author was able to record an epic from A. M. Usmanova (1930-2015) in his song-recitative, alternating with prosaic texts. Records were made repeatedly with breaks of 8 and 5 months, which allowed the most objective reproduction of a cultural phenomenon of historical significance. The purpose of the article is to make a comparative analysis of the text we recorded with the main one published in 1968, 1972 and on the basis of the found poetic parts to reveal mythosemantics, semiotics of art, archetypal codes, to establish the differences and the first thoughts of the episodes.

The leading approach is the mythosemantic retrospection, which allows revealing artifacts and mental artifacts, archetypes of images and peculiarities of mythopoetic traditions that have not been recorded in studies before in the plot of a new text. The chosen approach allows us to make comparative-typological, component analyzes on the reconstruction of epic strata, the beginning of which, as you know, dates back to the Upper Paleolithic (III-II millennium BC).

The main results were the discovery of the absence of poetic lines in the published text that were especially informative in terms of deeply archaic projections of plot motifs and mythological codes. Records of the most complete artistic characteristics and descriptions of the horse of Akbuzat were made. Unlike the well-known published epic, the praise of the winged horse in the discovered text is 45 poetic lines; take place details of motifs forbidden blood, of conduct Humai, Ural-batyr, and others... Five proper epic melodies have been recorded, which have traditionally been common in the practice of performing the *Ural-batyr* epic: these are praises of Akbuzat, praises of sword, the dialogue of Akbuzat and Khumai, the conversation between Khumai and the Ural-batyr, and the final singing cuboire. Based on the reconstruction of the text and a new reading, new evidence was revealed on human anthropogenesis, motifs about the strata of confrontation between Horse and Man, especially mythological images and musical traditions, which allow emphasizing the important place and status of the pra-epic (prertext) *Ural-batyr* in the world epic.

The work is of interest to ethnographers, folklorists, humanities specialists, both for studying archaic strata of the epic, as well as processes of transformation, the revival of epic traditions in modern times. The live, chanting performance of the Bashkir cubair *Ural-batyr*, representing the oldest among the Indo-European, Vedic and Turkic-Mongolian plots, is regarded as a phenomenal phenomenon.

Keywords: epic, folklore, live performance, improvisation, archetypes of images, traditions, myths, rituals, *Ural-batyr*, anthropogenes.

Введение

Эпос «Урал-батыр» – основное фольклорное произведение башкир, состоящее из 4576 поэтических стихов и около 19 (условно) прозаических строк, принадлежит к жанру *кобайыр* (*коба* «лучший, сильный» + *йыр* «песня»). Исследователями изучены мифологические (Н. А. Киреев, А. И. Харисов, А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, Р. Ф. Резяпов, Ф. А. Над-ршина), мифолингвистические, языковые (Г. Х. Бухарова), поэтико-стилевые (Г. В. Юлдыба-ева), межжанровые (Г. Р. Хусаинова), мифопоэтические, идейно-функциональные (А. М. Су-лейманов), сравнительно-типологические, этногенетические (Р. Ф. Резяпов), археологические (В. Г. Котов), философские (Д. Ж. Валеев, З. Г. Аминев, З. Я. Рахматуллина), текстологические (Ш. Р. Шакурова), фольклорно-этнографические, мифоритуальные (Р. А. Султангареева) особен-ности. Предметом изучения в этих трудах являлся текст эпоса, опубликованный в 1968 и 1972 гг.

В настоящей работе исследуется аутентичная версия эпоса «Урал-батыр», изустное испол-нение которого удалось обнаружить и записать автору от А. М. Усмановой (1930-2015 гг.) в 2011 г. (повторно в 2012 и 2013 гг.). В течение почти двух часов сказительница исполняла эпос с напевами, восстановив в памяти ещё неизвестные и информативно наполненные строки. Публикация этой версии явилась событием особой важности [1, с. 219-244]. Комплексно рас-сматриваются семантические, мифопоэтические коды, символично-образные замыслы эпизодов, особо значительных в плане реконструкции архаичных пластов эпоса.

Эпос: истоки сложения, значение термина «кубаир» и преемственность традиций сказывания

Текст архаичного эпоса «Урал-батыр» «был центральной реальностью в духовных представлениях южно-уральского населения III-II тыс. до н. э.» [2, с. 337], что подразумевает еще более древнюю мифологическую основу эпоса. Основным образом Урала в календарно-астрономическом эпосе, время создания которого занимает более четырех тысячелетий, передает идею священности Земли (Урал – Weralt), рождающейся весной и умирающей каждый год зимой [3, с. 9]. Эпос сопоставим с шумеро-аккадской, индоиранской, авестийской мифологией и библейскими сюжетами о потопе, имеет ряд ярких совпадений с шумерским эпосом о Гильгамеше и с реальными именами живших 4 тыс. лет тому назад (царь Шумера – Шульга, его сын – Бор-Зен, наместник Зарикум и т. д.) людьми [4, с. 145].

Начало сложения эпоса восходит к эпохе верхнего палеолита [2, с. 338]. Эпос-кубаир «Урал-батыр» имеет 7 записей сказочных, коротких эпических, легендарных версий [5, р. 199].

Наиболее полный объем записан в историческом 1910 г. в Баймакском р-не Башкирии М. Бурангуловым от сзэнов Г. Аргынбаева (1856-1921, дер. Идрисово) и Х. Альмухаметова (1861-1923, дер. Мало-Иткулово). Так, в XX столетии «вернулся творцу своему» великий эпос, веками изустно исполняемый главный свод духовно-нравственных законов, сыгравший ведущую роль в жизни башкир. Однако по причине жестоких гонений певцов-сказителей, сзэнов, угроз и запретов на сказывание эпоса, затем доминанты письменной культуры, эпос «Урал-батыр» долгое время не был обнаружен в живом исполнении, а текст, оставаясь в тени научного внимания, вышел в свет только в 1968 г., был «введен в научный оборот, что явилось большим событием» [6, с. 7]. После текст публиковался и переиздавался множество раз в республиканской печати [7, 8, 9], далее увидел свет на башкирском, русском и английском языках [10]. В российской научной печати эпос издан в 1977 г. [11].

В эпосе проводится идея становления спасительной идеологии Добродетели-Якшылык на фоне времени после Великого потопа. Сотворение мира заново (новой цивилизации) достигается многолетней борьбой Урал-батыра со Смертью (полчища драконов, царство жестоких обычаев, многоголовые змеи, драконы и т. д.) и поисков Вечного родника Жизни, которые оканчиваются возникновением Уральских гор от тела демиурга-Урала. Вместо того, чтобы спасти себя, Урал-батыр не глотает, а обрызгивает живой водой Природу и постигает загадку вечной жизни в творении Добра, служении народу и родной земле. Мифологема «мир, возникший из тела человека» искони заложена в архитектонике башкирского эпоса, обнаруживая параллели с ведийско-арийской, германо-скандинавской мифологией. Имя Урала вбирает понятия «Человек» и «Земля», которые до сих пор в сознании башкира неразделимы и священны. Так, на фоне знаний о том, что «немецкое Welt и английское Word строятся через соотнесение с человеческим возрастом, поколением» [12, с. 9], имя в башкирском кубаире воплощает архаичный эпосообразующий код – мифологему «мир, возникший из тела человека». «Урын» означает место, пространство творения культуры, жизни, т. е. в «Ур+ал» есть акцент на архетип освоенного Места. Башкирский эпос охватил огромный отрезок времени, начиная от идей Первосущего времени, далее – первобытной эпохи, Всемирного потопа – до провозглашения нового спасительного мировоззрения Якшылык-Добродетель: *Якшылык булһын атығыз!... Кеше булһын затығыз, Яманга юл куймағыз, Якшынан баш тартмағыз!* [9, с. 121] ‘Добродетель пусть будет Именем вашим, а Человек – родом вашим, Злу не давайте ходу, От Добродетели не отрекайтесь!’ [пер. наш].

Текст «Урал-батыр» из уст в уста передавался поколениями мудрецов, мастерами Слова – избранниками, которым были доверены его импровизация и воспроизводство. В начале XX в., как показывают собранные в народе материалы, эпос сказывали еще во время празднеств, семейных собраний, вечерами дети слушали эпос из уст бабушек.

Следы традиций сказывания эпоса еще не утеряны. Известны сказочные варианты эпоса, записанные А. И. Харисовым (в 1956 г.), Г. Сафаргалиной (в 1984 г.). Гульназ Саиди (1968 г. р., жительница г. Сибай) поведала нам, что ее дедушка Анвар авлия бине Габдулла Саиди рассказывал, как Габит Аргынбаев и Хамит Альмухаметов учились в медресе (мусульманское учебное заведение, выполняющее функцию средней общеобразовательной школы и мусульманской

духовной семинарии) села Муллакаево Баймакского р-на и сказывали эпос, разучив его от известного сэсэн Ишмухамета Мырзакаева (уроженец Абзелиловского р-на). Выдающийся теолог, провидец и вероучитель Мухаммет Габдулла Саиди аль Хакмари аль Бурзяни аль Бухари (1856-1917) – прапрадед Шарафутдиновой (Саиди) Гульназ, сам часто сказывал эпос «Урал-батыр», а его шакирды (студент медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения) разучивали текст (записано нами в 2017 г. в г. Сибай). Директор Инженерного колледжа г. Уфы Ф. А. Шагисултанов помнит, как в детстве часто слушали ее мать Магинур Шагисултанову, которая не только сказывала, но и жестами показывала персонажей, напевно исполняла многие части эпоса (записано нами в сентябре 2018 г.). На основе этих и других фрагментарных сведений реконструируются знания о непрерывности священной традиции сказывания и передачи поколениям великого эпоса. Однако с 1910 г. комплексной (аудио-видео, слово+мелодия+жесты) записи главного эпоса-кубаира в изустном, с напевами исполняемом варианте сделано не было.

Изучение эпоса, записанного от А. М. Усмановой, дало возможность обнаружить архаичные пласты эпоса, первозамыслы образов, установить мифологические, антропогенетические, этнографические, лингвистические и другие свидетельства.

Эпос – самый большой в своей монументальности, связанной передаче глубинной космозации мира, истории земли и ее обитателей произведение, свойственное духовной культуре только коренных, древних народов. Основной инструмент и вершина эпического искусства башкир – *кобайыр* (кубаир) означает «лучшая прославляющая (*коба*) + песня (*йыр*) песня о героях», также вбирает значения «родовой гимн», «песня народа», понятия «душа», «благо», «цвет», связывается с традициями строения «оба», «обо» – каменных маркеров родовых, культовых мест. Светло-серые масти культовой коровы (*кобаһыйыр*), гусей (*кобаказ*) вмещают понятия «лучший», «святой» (в сказках *кобаһыйыр* – священное животное, кости которой после погребения вырастают яблоней). Показательна связь жанра *кобайыр* с древнетюркским «коба», означающим «тонко обработанную шкуру» [13, с. 665]. Корни происхождения *кубаиров*, как священных родовых сказаний, восходят в дописьменную эпоху. Видимо, первичные тексты как священные писания были нарисованы или наносились символами (тамгами, руникой) на тонкую шкуру, кожу (аналог пергамента) и передавались поколениям посвященными, образованными людьми. В истории башкир имели место традиции написания мифов, тайных знаний и предсказаний на коже животных, рыб или на бересте, камнях. Так, древнейшая книга башкир «Факиһтар языуы» («Письмена просвещенных») была написана красными чернилами (загфран) на коже рыбы сом, а обложка была сделана из бычьей шкуры [14, с. 357-358, 589]. В эпосе «Идукай и Мурадым» герой узнает о предначертанности своей судьбы из книги, написанной на коже оленя [15, с. 149]. Возможно, существовал пратекст «Урал-батыра», написанный на рунике или символами. Органичное сочетание пафоса восхваления с горем, печалью в связи со смертью выдающегося человека (бея, хана, батыра) указывает на погребально-плачевые истоки кубаира [16, с. 201-202]. Отмечаем, что оплакивание и величание Урал-батыра – эмоционально и тематически выраженные акценты в эпосе.

Кубаир «Урал-батыр» в силу отсутствия фиксации полного аутентичного его исполнения и традиций живого сказывания являлся предметом острых обсуждений об его изустном бытовании вообще. В контексте обязательности наличия вариантов, версий и исполнительской практики образец «Урал-батыр», записанный от А. М. Усмановой, стал веским аргументом сохранности эпоса в памяти и его преемственности.

В сохранении живых традиций эпоса в культуре народа-творца проявляется этническая, историко-генеалогическая идентификация жанра. В качестве культурного текста учитывается всякое фрагментарное, отрывочное, но – обязательно изустное и по принципу «из уст в уста», живой памяти исполнение эпоса. Такая форма передачи текста позволяет проявляться самым важным свойствам фольклорного жанра: это вариативность, импровизационность, национальная языковая, мелодическая структуры, связь стиля и исполнительских норм, канонов и традиций, отображение народных и общечеловеческих идеалов.

Учеными велись долгие годы поисков изустной передачи великого эпоса. Весьма ценными стали воспоминания Б. З. Билалова в 2009 г. о том, что в детстве долгими ночами они слушали эпос от Киньябики Юлановой (уроженка дер. Верхне-Смаково Зилаирского р-на), которая

приводила детей в восторг своим мастерским исполнением [17, с. 107]. В целях обнаружения эпоса нами было опрошено более 1200 человек (сказительские майданы, встречи с учащимися в школах, вузах, соцопросы различного возраста людей во время празднеств «Урал-батыр байрамы», свободное, неконкурсное, без ограничения возрастов исполнение эпоса). Поиски активизировались особенно в период с 2003 по 2012 гг. и продолжают поныне.

В дальнейших поисках запись эпоса от А. М. Усмановой в живом комплексном исполнении (слово, жест, напевы) стала важным событием. Уроженка с. Акъяр Хайбуллинского р-на А. М. Усманова является представительницей знатного и древнего минского рода Турумтаевых. Ее дедушка Габделяхат Турумтаев (1864-1942) – ученик Зайнуллы Расулева (1833-1917), выдающегося ученого-тюрколога «башкирского ишана и последователя суфиза, религиозного деятеля» [18, с. 493]. Габделяхат Турумтаев славился своим импровизаторским дарованием, мастерски пел на йыйын-зиинах (масштабные народные празднества и собрания) народные песни, сказания, восхищая зрителей исполнительским искусством. Его жена Муьмина Таймасова (1870-1973) – знаток и талантливая исполнительница башкирских протяжных песен, мифов, сказок, религиозных преданий – бабушка, от которой А. М. Усманова в процессе многократных прослушиваний (с 9 до 16 лет периодически жила у нее) переняла многие особенности исполнения эпоса «Урал-батыр». Отец А. М. Усмановой – Мавлянбирды Турумтаев (1909-1993) отличался красивым голосом и хорошо исполнял сказания, песни. Так, сведения о родословной сказительницы согласуются с глубоко избирательным отношением башкир к сакральным текстам и традициям передачи народных творений. Только духовно образованным, обладающим крепкой, глубокой памятью и благородным по натуре личностям доверялись разучивание, передача и исполнение эпоса. На наш взгляд, А. М. Усманова – обладатель золотой Памяти народный гений, сохранивший и передавший святыню по рассказу её бабушки Муьмины Таймасовой.

Методы комплексной фольклористической фиксации живого исполнения эпоса

Запись сказывания эпоса от А. М. Усмановой произведена нами с соблюдением всех принципов фольклористического описания жанра, правил фиксирования и установления оригинальности, аутентичности уникального текста:

1) восстановлена генеалогия устной передачи фольклорного произведения (прадед-прабабушка-бабушка-сама сказительница);

Рис. 1. А. М. Усманова получает Гран-при конкурса «Зовем Вас, сэсэны!», 2013 г.

2) в целях установки соотношения импровизационного и традиционного начал, исключения факта книжной или постановочной передачи текста сделана многократная запись (в сентябре 2011 г., в октябре 2012 г., в июне 2013 г.);

3) в целях недопущения надуманности, стилизации от книжного варианта и обеспечения достоверности факта чрезвычайной значимости произведена видеофиксация каждого исполнения. Полное, двухчасовое сказывание эпоса Асмой Усмановой транслировано по ТВ Республики Башкортостан (канал БСТ) 15 ноября 2013 г.;

4) в контексте требований современной визуальной антропологии произведены необходимые, применяемые в процессе исполнения описания жестов, стиля костюма, состояния эмоций, а также манер изложения («сказительница думает», «останавливается», «вспоминает» и т. д., также учитывались окружение людей, время и т. д.);

5) аутентичный текст, версия записанного нами живого исполнения эпоса «Урал-батыр» опубликована на языке оригинала [1, с. 219-244].

А. М. Усмановой продемонстрирована наиболее полная передача сюжета в единстве мелодий, напевных речитаций, стихотворных и прозаических частей, исполняемых с элементами жестового языка и сказительских комментариев. Примечательны творческий настрой и особенности культуры повествования А. М. Усмановой: это степенно-спокойная манера, выразительное, но не навязчивое интонирование голосов героев и персонажей (Хумая-Хумайры, Акбузата, Янбирды, Урал-батыра и др.), общий жизнеутверждающий пафос с элементами назидания, эмоциональное исполнение напевных частей. Все эти компоненты воспроизводятся А. М. Усмановой, по её признанию, «в точности, как слышала и как заучила от бабушки», что «она не знает, что там написано, в книге» [1, с. 229], а «мелодии эти разучила от моей бабушки Муьмины» [1, с. 227]. В течение почти двух часов (с некоторой разницей во время других сеансов) А. М. Усманова без перерыва сказывала эпос, напевно исполняя мелодии, иногда делала комментарии и философские отступления от основного сюжета (традиционный прием в сказывании больших произведений). Факт специально разученного с книжного варианта пересказа был исключен изначально на основе доверия и уважения к личности А. М. Усмановой, которая, высоко чтя светлую память бабушки Муьмины Таймасовой, передавала *аманат*-заповедь предков. А. М. Усманова в народе пользуется огромным уважением, она – отличник народного образования РСФСР, всю жизнь проработала учителем математики (гарант стойкой и цепкой памяти), организовала фольклорный ансамбль «Кош юлы» («Млечный путь»), которым руководила в течение 25 лет. Ранее не сказывала эпос, т. к.: 1) узнала, что книжный текст не совпадает с тем, который она знает; 2) никто не спрашивал; 3) всегда помнила слова деда о том, что ранее был строгий запрет на исполнение эпосов, сказаний и соблюдала настороженное отношение к сказыванию эпоса «Урал-батыр».

Факт высокой самооценности и истинной феноменальности находки новой версии (естественно, меньшей по объему, чем основной) эпоса «Урал-батыр» в живом исполнении подтверждается в исследовательских обобщениях.

Реконструкция архаичных пластов на основе компонентного анализа нового текста

Во всех повторных записях А. М. Усманова припоминала новые детали из сюжета, слов и строк которых нет в основном тексте (далее – ОТ) эпоса «Урал-батыр», но логически в него вписываются. Например, сказывая описание мифического коня Акбузата, снизошедшего с небес, А. М. Усманова напела текст о многоликости небесного коня-дракона:

Карсыға түш, тар бөйөр,
Кыйғыр бөркөт канатлы,
Аждаһа-йылан тамаклы,
Үткер кылыс тырнаклы... [1, с. 231].

Грудь ястребины, узки бедра,
Крылья как у дикого беркута,
Шея дракона и змеи,
Острые как меч когти... [пер. наш].

Икһез-сикһез болоттай, ти,
Уның ике канаты... [1, с. 218].

Словно облака бескрайние
Его крылья, оказывается... [пер. наш].

Чудесный небесный Акбузат по этому тексту соединяет черты птицы, дракона, небесного крылатого коня, хищного зверя и змеи. Такого описания, содержащего множество ипостасей

коня, потому позволяющих раскрыть архаичный генезис коня, в ОТ эпоса нет. В единстве пяти характеристик объективируются очень древние архетипы мифологического вездесущего коня, охватывающего несколько миров – хтоника, астральный и земной миры. Возможно, это реликты Памяти о Великом потопе, из вод которых спасались земные кони. Между тем, эта многогранность образа выходит за рамки культового почитания и обожествления коня, проецируя связь с первичным противостоянием Коня и Человека. Антагонизм человека и крылатых коней имеется в широком ареале древней мифологии народов (Южная и Средняя Азия, Кавказ, Европа, Сибирь и Монголия) и в абхазских мифах [19, с. 35], также особо негативные ассоциации лошади зафиксированы на пространстве между Грецией и Скандинавией и Гиндукушем. По мифам, крылатый конь разбивает человека, сотворенного богом из глины [19, с. 35-37]. Мотив антагонизма имел место и на Урале: в башкирском фольклоре чудесный конь всегда выбирает батыра – укротителя только после отчаянной борьбы с ним [20, с. 194].

Только силовое преодоление, борьба с последующей победой становится показателем приручения человеком коня. В «Урал-батыре» Акбузат нисходит с небес, но не борется с героем, а прежде чем служить Человеку, ставит условия – кинуть камень в 70 батманов (старинная мера веса в ряде мусульманских стран, приблизительно 7-8 кг) на небо, уничтожить драконов, очистить землю от злости. В эпизоде заключен замысел метафорического осознания прихода материализованного божества, направляющего жизненными, духовными движениями народа, если он выдерживает испытания. Известно, что миф «провозглашал коня родственником дракона, близким к таинственным силам воды. Все замечательные кони считались аватарами дракона, а все высокорослые кони, имевшиеся у китайцев, назывались в древности просто драконами» [21, с. 88-90]. «Аватара» с санскрита – термин философии индуизма, означает «нисхождение на землю божества, воплощенного в смертное существо» [21, с. 88]. Отсюда Акбузат представляет божество – видимое проявление дракона-птицы с звериными когтями, змеиной шеей и огромными бескрайними крыльями, соединяющее небесный, земной и хтонический миры. В контексте цветообозначения сторон света мастью лошадей [22, с. 185] водно-небесно-земной Акбузат (Белый крылатый конь) представляет бога лошадей в мировоззрении башкир, о чем писал Ибн-Фадлан еще в X в. Однако архетип вездесущего полиморфного образа связан не только с индоиранской, индоевропейской средой (как принято считать), но скорее – прототюркскими корнями [23, с. 35].

Драконьи черты Акбузата хранят память архаических рудиментов осознания небесных сил коня, акцентируют общие черты с китайской мифологией (конь-дракон), за тысячелетия потерявшей свою целостность и многообразие. Многоликость эпического крылатого коня (качество, сохраненное только в самых архаических мифологиях и эпосах мира) хранит память об изначальном антагонизме Коня и Человека, также обретает метафору о вездесущности сознания и разума. Снисхождение коня – символ начала нового Времени, образ Акбузата – код материализации единства разных природных начал, информации небесных сил, путей борьбы и побед. В эпизоде действует архетип приручения дракона.

Следующие строки (которых также нет в ОТ) ярко запечатлели акцент роли коня в антропогенезе башкир:

Олоғайған картты ла
Менһә, йәп-йәш ир итер [1, с. 231].

А если вскочит на него старик,
Молодым он станет вмиг [пер. наш].

Идея происхождения человека от лошади содержится в якутских [24, с. 16-22], казахских [23, с. 38], так и в башкирских мифах. Батыр Бузансы рождается из чрева кобылы в человеческом облике [25, с. 301-304].

В других случаях серая кобылица приносит серого жеребенка, который на третий день превращается в будущего героя. Бытовавшие у башкир ритуалы «пронесения ребенка под стремением» по исполнению трех лет (или если болеет), прохождения под животом скачущего коня во время джигитовок параллельны с традициями многих тюркоязычных народов и ярко семантически в схеме антропогенеза, согласно которой человек происходит от лошади. На фоне этих знаний текст Асмы Усмановой обнаруживает свидетельства о том, что крылатый Акбузат предстает как материализованный образ великой силы и творец разумного человека новой эры (ведь он

приручает коня), мифический конь реконструируется как метафора генетического материала и нового мышления, необходимых для возрождения и воспроизводства сил человека (мужчины) в следующем витке времени. В тексте А. М. Усмановой четко конкретизируется идея сошедшего с небес божества, возвещающего человечеству о приходе нового Времени. Космогоническая природа коня: «Очень далеко, напротив *Тимер казык* – Полярной звезды белой звездой ярко сверкает мой Акбузат. Я его позову, – говорит Хумайра...» [1, с. 230]. Образно передается могучая астральная сила Акбузата, его огненно-солнечная природа. «Звездой он взлетит, Огненные гром и молнии заведет, Бури и вихри закрутит, Весь мир сотрясая, Спускается на Землю...» [1, с. 233]. Акбузат, согласно ОТ, принадлежит царю птиц Самрау и его жене Солнцу [9, с. 39]. Отсюда насыщенность в его облике солярной символики. Если в ОТ золотыми являются только седло и вожжи [9, с. 92], то в тексте А. М. Усмановой на Акбузате – вожжи, стремяна, ножны булатного меча, седло, подковы, подхвостник – все золотые [1, с. 230].

Солярная символика, универсальная в передаче тюркских знаний, маркирует образы Хумай и Акбузата, отображая их первородную связь и родство. Солярные метафоры занимают основное место в характеристике Небесного коня, а по данным археологии дают возможность определить время формирования художественных традиций. «Солярная символика, как символ борьбы противоположных начал, четырех сторон света, особо отразилась в украшениях искусства III в. до н. э. – III в. н. э.» [26, с. 84]. В контексте, что «в башкирском фольклоре страна бессмертия ассоциирована со страной Солнца» [27, с. 92-103], солярность Акбузата проецирует и идеи бессмертия, а по времени – художественные традиции в сложении образов. В целом, в тексте А. М. Усмановой образ Акбузата сохранен в проекции на более глубинную древность. Сюжеты запечатлели коды об антропогенной связи Человека и Коня, о рождении человека от коня и его перспектив реинкарнации во времени.

Информативным оказался жест, который делала А. М. Усманова. Сказывая о том, как Хумайра (так бабушка называла мифологическую Хумай) «нежно гладит коня, начиная с волосков на макушке лба до кончиков гривы и проводит руками по спине» [1, с. 232], сказительница с особым акцентом при каждом рассказе показывала руками это движение и только после этого договаривала: «После этого Акбузат склоняет голову перед Хумайрой» [1, с. 232]. Анализ неслучайного жеста (также отсутствует в ОТ) показал, что он ритуализирует идею приручения коня-дракона. Отмечаем, что волшебные свойства шерсти, гривы и хвоста Акбузата [28, с. 19] связаны не столько с божественностью коня, сколько с тем, что душа дракона (*аждахи*), коня (змеи) по мифам, находится в их гривах. Пользование особым образом волос, грив (касания, паления, сжигания, прятания, хранение в целях помощи и т. д.) – традиционно общие действия как в тюркском, так и в славянском фольклоре и связаны с магическими свойствами волос (как частей божеств) и их функциями (дают силы культурному герою, передают новости, оказывают быструю помощь, спасение от гибели). Мифологический код хватания за гривы (волосы), как способ приручения таинственных существ, традиционен в укрощении могучего коня в эпосах «Акбузат» [9, с. 139] и водяной девы в «Заятуляк и Хыухылыу» [10, с. 181], утки-девы в сказке «Санай-батыр» [29, с. 346-347].

В жесте Хумайры заключено её обращение к душе коня через гривы и сохранены древнейшие знания о генетических связях коня (дракона) и обуздавшего его человека. Жест фиксирует конец первобытного антагонизма Коня и Человека. В контексте, если «в змеином (конском) облике представляется Великая Мать, приобретающая в бронзовом веке облик лошади» [23, с. 39], то прирученность женщиной Акбузата в золотом убранстве до встречи с Уралом имеет особую древность. Вкратце об этом. Хумай является персонификацией звезды солнечной системы, созвучна с шумерской Инанной, аккадской Иштар (все вбирают идеи любви, производительности), греческой Афродитой, также восходит к архетипу Женщины (Праматери и воительницы) и Небу-Матери («анабыз-Һауа» говорят в народе). В историческом плане в образе Хумай явные символы эпохи матриархата, как позднего наслоения в эпосе. В процессе тюркизации эта богиня обретает имя Һомай-Хумай, в небесно-земной ипостаси становится символом любви – верной лебедушки, жены Урал-батыра. Уникальна Хумай (возможно, имя было другое), в которой читается столько пластов. Некогда приручение Коня совершено было женщиной-Праматерью Берана (*бер* «одна, единственная», *ана* «мать») – богиней в пратюркской мифологии, или есть

она сама в облике Акбузата. В эпизоде дарения Хумайрой коня Урал-батыру отражается сложение лидерства воинствующей богини Хумай. В ОТ слова о Якшылык произносит выпивший живую воду и измученный от бессмертия старик. А. М. Усманова, сказывая эпос во время второй записи (сентябрь 2012 г.), добавила, что это «человек-скелет» (*həldə*), еле живой, «крови не наберется даже в ложку», произносит вещие слова Уралу о Добродетели-Якшылык. Старец называет смерть как обряд – «йола, только лишь способ перехода человека в новую жизнь» [1, с. 236]. Интересны и другие детали: согласно новому тексту, запретную кровь «хранили в рогах крупного скота» [1, с. 218] или «в черепе убитого зверя» [1, с. 242]; Хумайра, прощаясь, должна была целовать Урала в лоб [1, с. 238], а не в губы (как в ОТ); как уточняет А. М. Усманова, Муьмина Таймасова всегда называла отца Хумай не Самрау (как в ОТ), а «ике башлы Сəмерғош» («двуглавый Самригуш») [1, с. 240]. Весьма интересно объяснение А. М. Усмановой двуглавости мифической птицы: «У нее не две головы, а глубина и уровень мышления – двойные, т. е. очень мудрый...» [1, с. 216]. Таким образом, с каждым разом воспроизводимые в памяти сказителя новые и новые детали текста доказывают то, что перед нами имеется факт чрезвычайно важного аутентичного исполнения эпоса и сохранения его в живой традиции. В разученном из книги или подготовленном специально сказывании таких откровений, новых находок генной памяти, не только соответствующих природе, сюжету и специфике великого эпоса, но и позволяющих обнаружить еще нераскрытые пласты древнего произведения, быть не может! Обнаружение новых нюансов, смыслов и сюжетных деталей при каждом повторном сказывании – это знаковое свойство фольклорной эпики, как живого организма.

Художественная портретизация эпического героя – явление более позднего характера. А. М. Усманова описала Урал-батыра и Хумайру, говоря, что у Урала были светлые, как ковыль, длинные волосы, большие сине-зеленые глаза и красивый, статный рост. Описания эти совпадают с рассказом К. Юлановой [17, с. 106]. Факт художественной импровизации, который по времени оказался длиннее, чем в ОТ, здесь очевиден. В историко-антропологическом плане эти соматические характеристики согласуются с генотипом многих башкирских родов, «расогенезис которых восходит до древнейшего сако-массагетского европеоидного по типу населения Южного Урала сармато-аланского времени» [30, с. 322]. Так, в тексте воспроизводится европеоидный архетип Урал-батыра.

Музыка эпоса

Ценностной и оригинальной оказалась музыкальная картина эпоса. А. М. Усманова исполнила пять эпизодов, мелодии каждого из которых, по ее признанию, разучены в точности от М. Таймасовой [1, с. 240]. Они представляют собой традиционные образцы эпических напевов, имеют самостоятельные звучания и функциональные особенности: это 1) песенный диалог Хумая с Уралом (но Урал не поет), восхваление булатного меча, 2) напевный разговор Хумайры (Хумая) с Акбузатом, 3) речь Акбузата, 4) восхваление Акбузата и 5) финальный кубаир. Напевам свойственны архаичность интонирования, магизм звуков, простота и лаконичность, информативность в музыкальной передаче идей эпического сюжета [31, с. 33-39]. Таковые откровения во времени весьма знаковы, т. к. «при явно прерванной эпической традиции возрождение в последнее время эпосов» [32, с. 34-43] и, следовательно, напевов, представляет уникальное явление. Считавшиеся затерянными навечно, они воспроизводятся в фольклорном сознании как свидетельства могучей школы башкирского сказительства. Оригинален заключительный кубаир (пятый напев) прославления народа, земли, природы уральской – «Уралып яткан Уралда» («На отрогах Урала»), который в конце эпического сказывания исполнила А. М. Усманова:

Уралып яткан Уралда
Акбузаттай ат менеп,
Карсығалай тау елеп,
Ук-һазағын кулға алып...
Тыуған илгә дошман килһә,
Яуға сығыр улдар бар!
Бар! Бар! Бар! Батырзар бар!
[1, с. 243-244].

На горе на Урале
На коней как Акбузат вскочив,
Словно соколы горы пролетев,
В руки стрелы, луки взяв...
Коль в страну враг нагрянет –
Есть батыры в ее защиту встать!
Есть! Есть! Есть! Батыры есть!
[Пер. наш].

Напевный кубаир «На отрогах Урала» является известным текстом, в короткой форме исполняется профессиональными певцами. Однако в словесно-поэтической полноте, насыщенности образов, содержания, а главное – в функциональной привязке к эпосу «Урал-батыр» он еще не был записан (72 строки!). Кубаир этот органично несет функцию снятия психологического напряжения, которое наступает по окончании сказывания, т. к. главный герой – Урал-батыр умирает. Эпический отрывок акцентирует выраженный оптимистический посыл эпоса. А. М. Усманова утверждала, что ее бабушка Муьмина Таймасова всегда заканчивала эпос этим кубаиром, «потому и напев, и этот большой текст восхваления Урала так точно заучила» [1, с. 240-241]. Первая мелодия имеет сходства с мунажатами – религиозными напевами, а четыре последние мы склонны относить к собственно-эпическим. Записи представляют большой интерес и ценность для музыковедческих исследований, т. к. мелодии эпоса не были известны науке. По звучанию они органично соответствуют характеру, темпоритму, национальному колориту и ментальности эпоса. Мелос эпоса – творение многовековой давности, содержит устойчивый код первородно-магического звукового освоения действительности и как самый консервативный к изменениям культурный феномен, не может утратиться во времени и исчезнуть. Эпические напевы продолжают форму жизни в игровых, танцевальных, даже заговорно-заклинательных жанрах фольклора (как нам в этом не раз приходилось убеждаться).

Башкирский термин мифоэпоса *карһуҙ*

Асма Усманова называла жанр эпоса «Урал-батыр» *карһуҙ* (досл.: «черное слово»). Это архаичного происхождения культурный текст, означающий слово «из глубины веков», знания «со времен черного неведения» и с самого начала начал, т. е. миф у башкир. До сих пор сказки, легенды, верования, предания, также мифы об истории мест, гор, сказы о разных существах называют словом *карһуҙ*. Он обобщает все виды сказывания о старине. Свидетельство сохранения в фольклорной памяти термина и четкое обозначение им не только эпоса «Урал-батыр», но и эпических сказаний, верований, сказок, легенд – весьма примечательно. *Карһуҙ*, как миф у башкир, имеет все возможности возвращения и актуализации его как научного термина для называния соответствующих жанров. *Кобайыр* (кубаир) и *кар(а)һуҙ* (кархуз) – исконно башкирские термины, называющие эпос и миф. Потому нецелесообразно подменять термин чужеродным «дастан» применительно к башкирским сказаниям. Термин – знаковое слово, обладает могучим многовековым кодом обобщения тех национальных традиций, на основе которых он создан и к каким относится.

Заключение

Обнаруженная нами версия эпоса в силу сохранности в живом напевном исполнении и неизвестных информативных эпизодов, деталей является уникальной и особо знаковой находкой. Текст показателен как образец, располагающий архаичными артефактами по реконструкции первичных пластов эпоса, сохранившего следы праивилизаций. Находка эпоса уникальна еще и тем, что объективирует реалии традиций исполнительской практики, считавшихся утраченными. В свете нового прочтения и расшифровки архаичных пластов эпоса «Урал-батыр» установлены реалии противостояний Коня и Человека, место Коня в антропогенезе башкир (идеи происхождения от коня). В процессе многократных записей живого исполнения обнаруживались все новые и новые стихи, эпизоды, тем самым аргументируя уникальность факта аутентичности, преемственности эпоса и сохранности в памяти народа. Запреты, жестокие гонения сэсэнов отразились в истории эпоса, обусловив как факты утаивания, особого обережения сакрального текста, так и его воспроизводство в генной памяти народа. Версия А. М. Усмановой свидетельствует о наличии длительных непрерывных исполнительских традиций, живого бытования эпоса в духовной культуре башкирского народа.

Выявленный музыкальный пласт представляется единственным, уникальным в своем роде. Он особо ценен тем, что относится к собственно-эпическому музыкальному творчеству и эпосу «Урал-батыр».

Факт обнаружения и записи версии эпоса «Урал-батыр» имеет феноменальную, исторически важную ценность и нами квалифицируется как открытие не столько национального, сколько общечеловеческого значения. На фоне этой находки в исследовательских перспективах великого эпоса ожидается появление свидетельств для новых прочтений и установки мировых

эпических параллелей. Фрагментарный анализ показывает, что в версии А. М. Усмановой этих неизвестных ещё башкирской эпической культуре достоверностей много, как это и должно было быть в аутентичном сказывании, т. е. переданном из уст в уста наследии. Заслуга таких, как Асма Усманова фольклорноносителей, хранителей традиционной культуры неизмеримо высока перед народом, памятью предков и историей.

Изустный текст сохранил архаичные пласты сложения мифологического эпоса, которые не были известны науке. Факт живого исполнения эпоса «Урал-батыр» особо ценен как показатель духовной целостности, силы языка, речевой культуры и генетической памяти башкир. Наличие исполнительских традиций и современной практики сказывания эпосов свидетельствует о высокой историко-культурной репутации и состоятельности народа-творца. Народ, исполняющий свой эпос, живет, творит и имеет силы воспроизводства своих духовных потенциалов во времени. Механизмы различения добра и зла, лжи и правды, совершенствования людских, природных отношений, также представления об идеалах и путях к будущности, отображенные в эпическом творчестве, неслучайно в наши дни возобновляются в памяти народа. Вековые истины напоминают о времени, в котором назрела особая востребованность использования достояний предков во имя усиления духа человека XXI в. Принципиально важно то, что эпос – живой организм. Он живет, идентично народному сознанию, состоянию духа, поддерживая не только творческую, миросозерцательную жизнь, но и морально-нравственные ценности и устремления к ним этноса. Эпос – искони духовный фундамент, свод законов жизни нации. Утерянные эпизоды могут быть реконструированы с привлечением мифов, преданий, сказаний, песен, соответствующих его идее и содержанию.

Сочинения, импровизации эпоса «Урал-батыр» сэсэнами-мыслителями современности должны быть продолжены и должны быть поддержаны соответствующими органами. Иначе существует риск исчезновения эпоса [33, с. 206-212; 34, с. 187-195]. В конвенции ЮНЕСКО позиционируются «исполнительское искусство, устные традиции и формы выражения, включая язык» [35, с. 13-18], также значимость «форм выражения на практике конкретными носителями соответствующей культуры» [35, с. 18].

Обнаружение живой версии «Урал-батыра», исполнительские дарования А. М. Усмановой представляют конкретные и весомые аргументы об уникальности эпоса и башкирской сказительской традиции, как составных частей мировой культуры, заслуживающих включения в список ЮНЕСКО Шедевров нематериальной культуры человечества.

Литература

1. Солтангәрәева Р. Ә. Башҡорт сәсэн мәктәбе. – Өфө: Полиграфдизайн, 2012. – 289 б. (на башк. яз.)
2. Котов В. Г. Башкирский героический эпос «Урал-батыр» // История башкирского народа: в 7 т. Т. 1. – М.: Наука, 2009. – С. 335-338.
3. Галлямов С. А. Башкортская философия. Т. 4. Эстетика. – Уфа: Китап, 2007. – 341 с.
4. Галлямов С. А. Урал-батыр и шумерский эпос о Гильгамеше // Башкирский фольклор. Вып. 4. – 2000. – С. 122-153.
5. Suleimanov A. M. Bashkir kubayirs and their variants // Materials for the Dossier to include Bashkir kobayirs of the Ural-batyr cycle into the Lists of Intangible Cultural Heritage. Research institute for history, etc. Ufa branch, Russian Academy of Sciences. – Ufa, 2013. – pp. 199-206. (на англ. яз.)
6. Шакурова Ш. Р. Башкирский народный эпос «Урал-батыр». Архивный первоисточник и его текстологический анализ. – Уфа: Гилем, 2007. – 386 с.
7. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. 1 т. / Төз., баш һүз языусы, аңл.-ар биреүсе М. М. Сәғитов, яуаплы ред. Ә. И. Харисов. – Өфө: Китап, 1972. – 342 б. (на башк. и русс. яз.)
8. Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / Предисл. М. М. Сагитова, пер. Г. Г. Шафикова. – Уфа: Башкиргоиздат, 1987. – 544 с.
9. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. 3 т. / Төз., баш һүз, коммент. авт-ры Ә. М. Сөләймәнов, Р. Ф. Рәжәпов. – Уфа: Китап, 1998. – 448 с. (на башк. яз.)
10. Башкирский народный эпос «Урал-батыр» / Предисл., коммент. Ф. А. Надршиной. – Уфа: Информ-реклама, 2003. – 468 с. (на башк. яз.)

11. Башкирский народный эпос / Сост.: А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов. – М.: Наука, 1977. – 520 с.
12. Топоров В. Н. Космос // Мифы народов мира. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 9-10.
13. Башкорт теле һүзлеге. 2 т. – М.: Русский язык, 1993. – 814 б. (на башк. яз.)
14. Башкорт халык ижады. Язма кисса һәм дастандар. 7 т. / Төз., баш һүз, англ. авт. Ә. М. Сөләймәнов, Ғ. Б. Хөсәйенов, М. Х. Нәзәрғолов. – Өфө: Китап, 2004. – 624 б. (на башк. яз.)
15. Изүкәй менән Моразым. Баһыраға әзер. Н. Т. Зарипов. – Өфө: Китап, 1994. – 349 б. (на башк. яз.)
16. Султангареева Р. А. Жизнь человека в обряде. – Уфа: Гилем, 2006. – 342 с.
17. Юлдыбаева Г. В. «Урал-батыр» кобайыры халык хәтерендә // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира: материалы II Межд. науч.-практ. конф. (Уфа, 10-11 июня 2011 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 106-107. (на башк. яз.)
18. Фархшатов М. Н. Расулев Зайнулла // Башкортостан: Краткая энциклопедия / Гл. ред. Р. З. Шакуров. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. – С. 493.
19. Березкин Ю. Е. Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. – СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. – С. 35-40.
20. Йәшәгән, ти, батырзар. Башкорт халык әкиәттәре. Төз.-һе Н. Т. Зарипов. – Өфө: Китап, 2005. – 416 б. (на башк. яз.)
21. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
22. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 358 с.
23. Кондыбай С. Мифология предказахов. Кн. 3. – Алматы: СаҒа, 2008. – 436 с.
24. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
25. Мингажитдинов М. Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. – Уфа: Ин-т истории, яз. и лит., 1971. – С. 301-308.
26. Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Астрально-символический стиль в искусстве кара-абызских племен // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии): сб. науч. тр. Вып. 7. – Уфа: БашГУ, 2005. – С. 81-87.
27. Котов В. Г. О сходстве космогонических мифов у башкир и угров // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии): сб. науч. тр. Вып. 7. – Уфа: БашГУ, 2005. – С. 92-103.
28. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с.
29. Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки и сказки о животных / Сост.: Н. Т. Зарипов, Л. Г. Бараг. – Уфа: Башкнигоиздат, 1989. – 512 с.
30. Юсупов Р. М. Палеоантропология Южного Урала и вопросы происхождения башкир-гайнинцев // Башкиры-гайнинцы Пермского края: История, этнография, антропология, этногеномика / Под общ. ред. Р. М. Юсупова. – Уфа: Гилем, 2008. – С. 315-325.
31. Султангареева Р. А. Мелодические особенности напевов башкирского эпоса «Урал-батыр» // Традиционная и профессиональная музыкальная культура Республики Башкортостан: материалы Всеросс. научно-практ. конф. с межд. участием (Уфа, 29 октября 2015 г.). – Уфа, 2015. – С. 33-39.
32. Юсфин А. Г. Некоторые нерешенные вопросы изучения музыки эпоса // Музыка эпоса: статьи и материалы. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – С. 34-43.
33. Sultangareeva R. A. Risk of Extinction // Materials for the Dossier to include Bashkir kobayirs of the Ural-batyr cycle into the Lists of Intangible Cultural Heritage. Research institute for history, etc. Ufa branch, Russian Academy of Sciences. – Ufa, 2013. – pp. 206-212. (на англ. яз.)
34. Bukharova G. H. Linguistic and cultural characteristics of kubayir // Materials for the Dossier to include Bashkir kobayirs of the Ural-batyr cycle into the Lists of Intangible Cultural Heritage. Research institute for history, etc. Ufa branch, Russian Academy of Sciences. – Ufa, 2013. – pp. 187-195. (на англ. яз.)
35. Мухтаров Т. Г. Концепция досье по включению традиций исполнения кубаиров цикла «Урал-батыр» в список нематериального наследия человечества // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 13-18.

References

1. Soltangareeva R. A. *Bashkort sasen maktabe* [Bashkir school of narration]. Ufa, 2012, 289 p. (In Bashkir lang.)
2. Kotov V. G. *Bashkirskij geroicheskiy epos "Ural-batyr"* [Bashkir heroic epic "Ural-batyr"]. In: *Istoriya bashkirskogo naroda v 7-i tomah. T. 1* [History of Bashkir people in 7 vol. Vol. 1]. Moscow, Nauka, 2009, pp. 335-338.
3. Gallyamov S. A. *Bashkordskaya filosofiya. Estetika. 4 t.* [Bashkord philosophy. Aesthetics. Vol. 4]. Ufa, Kitap, 2007, 341 p.
4. Gallyamov S. A. *Ural-batyr i shumerskiy epos o Gil'gameshe* [Ural-batyr and Shumer epic on Gilgamesh]. In: *Bashkirskij fol'klor. T. 4.* [Bashkir folklore. Vol. 4]. Ufa, 2000, pp. 122-153.
5. Suleimanov A. M. Bashkir kubayirs and their variants. In: Materials for the Dossier to include Bashkir kobayirs of the Ural-batyr cycle into the Lists of Intangible Cultural Heritage. Research institute for history, etc. Ufa branch, Russian Academy of Sciences. Ufa, 2013, pp. 199-206. (In Eng. lang.)
6. Shakurova Sh. R. *Bashkirskij narodnyj epos "Ural-batyr". Arhivnyj pervoistochnik i ego tekstologicheskiy analiz* [Bashkir folk epic "Ural-batyr". Archival source and its textual analysis]. Ufa, Gilem, 2007, 386 p.
7. *Bashkort halyk izhady. Epos. T. 1* [Bashkir folk creation. Epic. Vol. 1]. Tjoz., bash hjuz jazyusy, angl.-ar birejuse M. M. Sagitov, jauaply red. A. I. Harisov. Ufa, Kirap, 1972, 342 p. (In Bashkir and Russ. lang.)
8. *Bashkirkoe narodnoe tvorchestvo. Epos. T. 1* [Bashkir folk creation. Epic. Vol. 1]. Predisl. M. M. Sagitova, per. G. G. Shafikova. Ufa, Bashknigoizdat, 1987, 544 p.
9. *Bashkort halyk izhady. Epos. III tom* [Bashkir folk creation. Epic. Vol. 3]. Toz., bash. huz., komment. avt-ry A. M. Sulejmanov, R. F. Razhapov. Ufa, Kitap, 1998, 448 p. (In Bashkir lang.)
10. *Bashkirskij narodnyj epos "Ural-batyr"* [Bashkir folk epic "Ural-batyr"]. Predisl., komment. F. A. Nadrshinoj. Ufa, Informreklama, 2003, 465 p. (In Bashkir lang.)
11. *Bashkirskij narodnyj epos* [Bashkir folk epic]. Sost.: A. S. Mirbadaleva, M. M. Sagitov, A. I. Harisov. Moscow, Nauka, 1977, 520 p.
12. Toporov V. N. *Kosmos* [Cosmic space]. In: *Mify narodov mira. T. 2* [Myths of the peoples of the world. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1980, pp. 9-10.
13. *Bashkort tele huzlege. 2 tom* [Dictionary of Bashkir language. Vol. 2]. Moscow, Russkij jazyk, 1993, 814 p. (In Bashkir lang.)
14. *Bashkort halyk izhady. Yazma kissa ham dastandar. 7 tom* [Bashkir folk creation. Written kissas and dastans. Vol. 7]. Toz., bash huz, anl. avt. A. M. Sulejmanov, G. B. Husajenov, M. H. Nazergolov. Ufa, Kitap, 2004, 624 p. (In Bashkir lang.)
15. *Izykaj menən Moraždym* [Idukai and Muradim]. Bazyrga azer. N. T. Zaripov. Ufa, Kitap, 1994, 349 p. (In Bashkir lang.)
16. Sultangareeva R. A. *Zhizn' cheloveka v obryade* [Human life in the rite]. Ufa, Gilem, 2006, 342 p.
17. Yuldybaeva G. V. *"Ural-batyr" kobajyry halyk haterenda* [Cubaire "Ural batyr" in memory of the people]. In: *"Ural-batyr" i duhovnoe nasledie narodov mira: materialy II Mezhd. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 10-11 ijunya 2011 g.)* ["Ural-batyr" and spiritual heritage of the peoples of the world: materials of II International scientific and practical conference (Ufa, June 10-11, 2011)]. Ufa, IJJaL UNC RAN, 2011, pp. 106-107. (In Bashkir lang.)
18. Farshatov M. N. *Rasulev Zajnulla* [Rasulev Zaynulla]. In: *Bashkortostan: Kratkaya enciklopediya* [Bashkortostan: brief encyclopedia]. Gl. red. R. Z. Shakurov. Ufa, Bashkirkaya enciklopediya, 1996, p. 493.
19. Berezkin Yu. E. *Rekonstrukciya syuzheta sozdaniya cheloveka u stepnyh indoevropejcev* [Reconstruction of the plot of human creation among the steppe Indo-Europeans]. In: *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami. Kn. 2* [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Book 2]. Saint Petersburg, IIMK RAN, "Periferiya", 2012, pp. 35-40.
20. *Jashagan, ti, batyrzar. Bashkort halyk akiattare* [Lives, says, batyrs Bashkir popular tales]. Toz.-he N. T. Zaripov. Ufa, Kitap, 2005, 416 p. (In Bashkir lang.)
21. Shefer E. *Zolotyje persiki Samarkanda* [Golden peaches of Samarkand]. Moscow, Nauka, 1981, 608 p.
22. Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of population of Central Altay in Scythian time]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960, 358 p.
23. Kondybay S. *Mifologiya predkazahov. Kn. 3* [Mythology of prekazakhs. Book 3]. Almaty, SaGa, 2008, 436 p.

24. Emel'yanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of Yakut olonkhos]. Moscow, Nauka, 1980, 375 p.
25. Mingazhetdinov M. H. *Etnogeneticheskie motivy v bashkirskikh skazkakh* [Ethnogenetic motives in Bashkir tales]. In: *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeography and Ethnography of Bashkiria]. Ufa, 1971, pp. 301-308.
26. Obydenov M. F., Korepanov K. I. *Astral'no-simvolicheskiy stil' v iskusstve kara-abyzskikh plemen* [Astral-symbolic style in the art of Kara-Abyz tribes]. In: *Ot drevnosti k novomu vremeni (Problemy istorii i arheologii): sb. nauch. tr. Vyp. 7* [From antiquity to the new time (Problems of history and archeology). Collection of scientific papers. Iss. 7]. Ufa, BashGU, 2005, pp. 81-87.
27. Kotov V. G. *O skhodstve kosmogonicheskikh mifov u bashkir i ugrov* [On the similarity of cosmogonic myths among the Bashkirs and the Ugrians]. In: *Ot drevnosti k novomu vremeni (Problemy istorii i arheologii). Sbornik nauchnykh trudov* [From antiquity to the new time (Problems of history and archeology). Collection of scientific papers]. Vyp. 7. Ufa, BashGU, 2005, pp. 92-103.
28. Hisamitdinova F. G. *Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of Bashkir language]. Moscow, Nauka, 2010, 452 p.
29. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. T. 4. Volshebnye skazki i skazki o zhivotnykh* [Bashkir folk creation. Vol. 4. Magic tales and tales of animals]. Sost.: N. T. Zaripov, L. G. Barag. Ufa, Bashkniгоizdat, 1989, 512 p.
30. Yusupov R. M. *Paleoantropologiya Yuzhnogo Urala i voprosy proiskhozhdeniya bashkir-gajnincev* [Paleoanthropology of the Southern Urals and questions of the origin of the Bashkirs-Gainins]. In: *Bashkir-gajnincy Permskogo kraya: Istoriya, etnografiya, antropologiya, etnogenomika* [Bashkirs-Gainins of the Permsky kray: History, Ethnography, Anthropology, Ethnogenomics]. Pod obshch. red. R. M. Yusupova. Ufa, Gilem, 2008, pp. 315-325.
31. Sultangareeva R. A. *Melodicheskie osobennosti napevov bashkirskogo eposa "Ural-batyr"* [Melodic features of the tunes of the Bashkir epic "Ural-batyr"]. In: *Tradicionnaya i professional'naya muzykal'naya kul'tura Respubliki Bashkortostan: materialy Vseross. nauchno-prakt. konferencii (Ufa, 29 octjabrja 2015 g.)* [Traditional and professional musical culture of the Republic of Bashkortostan: materials of All-Russian scientific and practical conference (Ufa, October 29, 2015)]. Ufa, 2015, pp. 33-39.
32. Yusfin A. G. *Nekotorye nereshennyye voprosy izucheniya muzyki eposa* [Some unresolved issues of studying epic music]. In: *Muzyka eposa: stat'i i materialy* [Epic Music: articles and materials]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo, 1989, pp. 34-43.
33. Sultangareeva R. A. Risk of Extinction. In: Materials for the Dossier to include Bashkir kobayirs of the *Ural-batyr* cycle into the Lists of Intangible Cultural Heritage. Research institute for history, etc. Ufa branch, Russian Academy of Sciences. Ufa, 2013, pp. 206-212. (In Eng. lang.)
34. Bukharova G. H. Linguistic and cultural characteristics of kubayir. In: Materials for the Dossier to include Bashkir kobayirs of the *Ural-batyr* cycle into the Lists of Intangible Cultural Heritage. Research institute for history, etc. Ufa branch, Russian Academy of Sciences. Ufa, 2013, pp. 187-195. (In Eng. lang.)
35. Muhtarov T. G. *Koncepciya dos'e po vklyucheniyu traditsij ispolneniya kubairov cikla "Ural-batyr" v spisok nematerial'nogo naslediya chelovechestva* [The concept of the dossier on the inclusion of the traditions of the performance of kubairs of the *Ural-batyr* cycle in the list of the intangible heritage of human]. In: *"Ural-batyr" i duhovnoe nasledie narodov mira* ["Ural-batyr" and the spiritual heritage of the peoples of the world]. Ufa, IYAL UNC RAN, 2011, pp. 13-18.